

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
М19

Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова

М19   Минимум багажа. Сборник. — М.: ИД «Городец», 2020. —
240 с. (Серия «Ковчег».)

Двадцатисемилетняя Аля — переводчик-фрилансер и преподаватель английского — приезжает в Болгарию вместе со своим бойфрендом Гошей отдохнуть. В один жаркий летний день прямо на пляже Аля принимает решение, которое изменит ход ее жизни, — она бросает Гошу и отправляется в путешествие, в свой собственный «анабазис» — прочь от моря, вглубь страны. Алино путешествие — это побег, ей кажется, что она спасается от новых людей и обстоятельств, но на деле лишь убегает от самой себя.

ISBN 978-5-907085-74-9

© М. Малухина, 2020
© ИД «Городец», 2020

Памяти моей крестной Веры

ПРОЧЬ ОТ МОРЯ

Роман

ЧАСТЬ 1

ОТ МОРЯ

Глава 1

Было так: изнанки век светились теплым — коралловым, почти оранжевым. Солнце к 11 утра дошло до уровня глаз. Наверное, пора было спустить солнечные очки на нос — но тогда вокруг глаз останутся светлые круги и будет дурацкий загар. Стоит ли? Сегодня, наконец, море успокоилось, и волны звучали тише. Дети вокруг, наоборот, с каждым днем становились все слышней и осязаемей — раз в несколько минут Алины ноги засыпал песком пробегающий мимо ребенок. Она морщила нос, стряхивала песок нервным движением — открывать глаза было лень, поэтому она никогда не знала точно, что валилось с обгоревшей голени — мягкие частички Солнечного берега или очередная курортная муха. Мух, как и остальных насекомых, Аля боялась, поэтому каждый раз на всякий случай трясла ногой быстро и отчаянно — чтобы наверняка.

Слева пожилая немецкая пара обсуждала отложенный немкой на край бамбуковой подстилки пухлый пейпербэк. Название Аля не знала, но, судя по ухваченной мельком черно-белой обложке с замершей в пустынном сквере парой мужчин в толстых пальто и фетровых шляпах, простой черный чемодан на

скамейке между ними — ничего подозрительного, просто два герра присели покурить пасмурным тиргартенским деньком, проходите, пожалуйста, мимо — это был медленный и основательный шпионский детектив.

Школьный немецкий почти забылся, но тем больше была радость узнавания — в каждой слышимой фразе встречалось хотя бы одно смутно знакомое слово. Вместе со словами приходил апрель — девятый класс, окно нараспашку, напротив него, на задней парте, — Аля, во рту — ручка с прокушенным почти насквозь колпачком, откуда-то издалека, от доски, доносятся спряжения немецких глаголов, но какая разница, оканчиваются они так или эдак, когда из окна льется такое свежее солнце.

Сегодня солнце было другое — многоваттный небесный прожектор болгарского лета к 11 утра жарил так, что по загорелому Алиному боку опять пробежала тонкая струйка пота — пора было идти в воду.

— Ну что, пошли окунемся? — донеслось справа.

Звук поднимающегося тела, тысяча песчинок — или десяток мух? — опустившихся ровным слоем на Алину кожу. Пришлось открыть глаза, сесть, отряхнуть с живота гадость. Песок, конечно, но все равно противно.

— Ты идешь? — это Гоша.

Го-Ша — так Аля любит в уме раскладывать его имя на два.

«Го» — как «иго-го!» и как странная восточная игра в Го. Как ночные гонки вдвоем по пустому круглосуточному гипермаркету: он — за рулем-ручкой, она — в продуктовой тележке. Так прекрасно, что кажется — не с тобой. И как невыносимые дни, когда он сидит, уткнувшись в свои коды, и не разговаривает — вообще, совсем, никак. Немножечко аутист, ну точно где-то в рамках спектра, без диагноза, конечно, — дотащишь его до диагноза — в легкой форме, полностью функциональный, даже и не стоит особо беспокоиться, как пишут на форумах.

И «Ша» — как в стишке из детства, из кассилевской Швам-брании, застрявшем в голове навсегда: «Мухомор-Поган-Паша... Точка — и ша!»

* * *

Аля пыталась уйти три раза — и это за полтора года, но каждый раз не получалось.

Первый раз — трусливо. Гоша уезжал в Питер на какой-то их форум — новые технологии, разработка приложений, оптимизация, Алечка, ну сколько можно тебе объяснять, смотри, вот есть фронт-энд, а есть бэк-энд, ну как ты не понимаешь.

Как только в окошке их разговора на фейсбуке появилась присланная им фотка с синими сапсановскими креслами, Аля заметалась по квартире. Она никогда не умела паковаться, всегда валила все в чемодан в одну кучу. Так и сейчас — силиконовые формочки для кексов, лифчики, одно дорогущее платье и три дешевых шведских толстовки, электрическая зубная щетка, вибратор в маленьком пластиковом пакетике из бижутерного магазина, таблетки от аллергии. Что еще? Телефон-айпад-плеер — все в сумку, кошелек туда же. Карточка рубли, карточка евро, карточка доллары, наличка из предыдущей поездки в Амстердам — оставшиеся двести с копейками в длинном конверте. Мамин вязаный плед — не оставлять же, не простит. Кот.

Кому кот? С Гошей он долго не протянет — когда Аля заезжала в Гошину квартиру за четыре месяца до, на подоконнике стояла шеренга засохших орхидей в одинаковых ашановских горшках.

— Зачем ты их все время покупаешь, они же мрут у тебя раз в месяц, ты же их не поливаешь никогда. Тебе не жалко?

— Алечка, я их люблю. — На следующий день в Ашане около дома Гоша протянул ей очередной горшок с дрожащим хищным бутоном.

Когда-то давно она прочла рассказ Герберта Уэллса о прекрасных орхидеях, сосавших кровь своего садовода. С тех пор при

виде орхидей в ее голове всегда всплывала картинка уэллсовской мрачной оранжереи. Там, наверное, висел страшный запах: парниковая духота, сладкий аромат цветков и железистая база разлитой по полу крови — ольфакторный кошмар бессонной подростковой ночи — как после такого заснешь?

— Я их люблю, понимаешь? Ну что, какую выберем — фиолетовую или белую?

Пока Аля поглаживала пальцем мясистый орхидеин лист, — торчащие из горшка корни выглядели вполне невинно и не тянулись к синим венкам на ее запястье, — Гоша притащил со стеллажа у входа рядом с тележками еще один горшок — на выбор.

Они взяли обе — и фиолетовую, и белую, а потом, еще через месяц, к орхидеям прибавился зашедший в квартиру однажды вечером — как будто так и надо, как будто это всегда был его законный дом, — непонятого происхождения годовалый рыжий кот. Теперь каждое утро у Али начиналось с хлеба с арахисовым маслом и бананами — себе, яичницы — Гоше, дальше корм — коту, воду — орхидеям. Залить — дать постоять — вылить.

А Гоша в это время их всех любил — цветы, кота, Алю — не заботился, не кормил, не поливал, а просто непрерывно любил.

Она, конечно, не ушла в тот раз. Распаковала чемодан, разложила все по местам, приготовила через два дня к его приезду сложный ягодный пирог — песочная база, выпекаем отдельно, сверху сухую фасоль, чтобы придавило и пропеклось, — надо же, с первого раза, и получилось, — и так ничего ему не сказала. Что можно сказать в ответ на любовь?

* * *

Второй раз случился прошлым летом — они шли ночью по каким-то переулкам в районе Чистых, днем стояла такая духота, что казалось, ночь — единственная возможность существовать, дышать, думать, говорить о чем-то.

Они возвращались с домашней вечеринки ее друзей — там все было как обычно, она хохотала и пила вино, а он сидел и молчал, изредка отвечая на кидаемые ему из вежливости, а может, просто из жалости, вопросы. Чем больше он молчал, тем больше она пила, прекрасно зная, впрочем, что вино в таких количествах ей нельзя, — от вина она быстро и плохо пьянела, потом смеялась к месту и нет, заговаривалась, опять смеялась, — но в этот раз так было можно, это были старые друзья, и они пили не меньше.

Он совсем закрывался в компаниях, и, глядя на него, уставившегося куда-то в тарелку с салатом или в экран телефона, казалось, что никогда и не было тех всплесков бурного, невероятного веселья, которые иногда случались с ними наедине и которые она так любила.

Аля и Гоша шли, и навстречу им попадались небольшие группы хорошо одетых молодых людей, таких же, как она. Пьяных, вкусно пахнущих духами, совершенно потерянных в своих небольших, почти тридцатилетних жизнях.

Наконец около переполненных мусорных баков ее прорвало.

— Долбаный аутист! Ненавижу, как же я тебя ненавижу, боже мой! Ненавижу! — она кричала, почему-то очень отчетливо представляя, как это выглядело со стороны.

Вот — Алечка, в белом льняном платье и белых же кроссовках, волосы — наверх, помада-шанелька была в начале вечера, оттенка пламп руж, а теперь вся съелась. На губах вместо нее — некрасивые черные корочки — следы вина. Стоит, опершись рукой на темный край помойки. Бачок пахнет невыносимо — банановой кожурой, прокисшим творогом, сырым мясом.

— Я больше не могу так, не могу! — Она садится на тротуар, прямо так, прямо своим льняным белым платьем, и через расплывающуюся оптику слез смотрит на Гошкины кеды — так красные, а так, если прищурить глаза и поймать свет от фонаря — фиолетовые.

Кеды делают два шага к ней, потом появляется его рука, вторая, он поднимает ее на ноги, накидывает на плечи свою толстовку,

доводит в обнимку до круглосуточной едальни. Там она запросто за пять минут приканчивает необъятную тарелку пасты, а он смотрит на нее и молчит.

Он заказывает ей кофе, и, пока она выводит на пенке параллельные линии — все, что она может сказать о своей дрожащей, пьяной душе — прямо тут, внутри кофейной чашки, ты только посмотри, Гоша, посмотри! — он вызывает в приложении такси.

Через десять минут они дома, он снимает с нее кроссовки и платье, накрывает ее одеялом, гасит свет и целует в щеку. К ней тут же запрыгивает кот — хоп, и он мгновенно привалился своим толстеньким теплым боком к ее локтю. Она закрывает глаза. Во рту — призраки вина, пасты, кофе, все вперемешку. И в голове вперемешку — коротенькие, драные мысли:

— Наверное, все в порядке.

— Наверное, так надо.

— Завтра — посмотрим.

— Сейчас — спать.

На следующий день Гоша — долбанный аутист и передатчик длинных волн любви — ничего ей не сказал. И Аля опять оставила все как есть.

* * *

Третий раз — свежий, совсем недавний. Тогда и надо было уходить. Задержка, полоски, утром на такси до гинеколога, минимальный срок, таблетка. Даже не пришлось ничего ему объяснять.

Когда она приехала домой — немного тошнило, тянуло низ живота, вот, сейчас-сейчас, должно начаться, — и плюхнулась на диван в гостиной за его спиной, еще пару минут он сидел носом в компьютер, не разворачиваясь. В его наушниках громко играла музыка — Аля не могла различить, что именно, наверное, какой-то изощренный фанк никому, кроме него, не известной инди-группы.

Потом он вдруг дернулся, развернулся — увидел ее в отражении монитора. Стащил наушники, улыбнулся.

— Аль, я билеты купил. Погнали в Болгарию через три недели. У тебя же есть шенген?

У нее были деньги — фрилансовые переводы и репетиторство приносили достаточно, она не была на море вечность. Надо ехать, надо ехать — промывать нос, полоскать горло — зайти подальше от берега, набрать соленой воды — выдуть, выплюнуть, скорчить рожу, мучиться жаждой весь заплыв до самого берега, потом не болеть после сентябрьских промоченных ног. До октября, конечно, хилый защитный экранчик морского иммунитета не дотянет, но хотя бы сентябрь без соплей, хорошо же, надо ехать!

Глядя на себя в зеркало в ванной — Гоша уже спит, а она сидит тут на бортике, ждет десять минут, пока можно будет смыть маску из на словах голубой (а на лице просто белой, вот же жаль) глины — она говорит вслух своему отражению:

— Но ты же не любишь море!

— А поедешь как миленькая, — говорит отражение маминым голосом и открывает кран.

— Точка, и ша! — Она набирает в ладони теплую воду, и маска начинает медленно, неровными пластами сходить с Алиного лица.

* * *

Это был седьмой день на пляже, впереди было еще столько же. Аля почти физически ощущала, как желудок борется с утренним пляжным блинчиком — слишком сладким, слишком большим, слишком горячим. Здесь вообще всего было слишком — слишком яркое солнце и слишком мелкий песок, который проникал через купальник и потом оседал сероватыми полосками на кафельном полу гостиничного душа. Только само море было в самый раз — успокоившееся, прибывшее все ненужные ему водоросли к берегу, прозрачное, несоленое.

Если бы можно было каким-то божественным фотешопом отделить воду от суши, пиксельным указующим перстом обвести эту текучую поверхность, переместить ее в белый вакуум чистого файла, прыгнуть с разбегу — и сохраниться вместе с этим морем в какой-нибудь неочевидной компьютерной папке: диск C/Документы/Работа за декабрь/проект 12/менятутнет.jpg

— Ты идешь? — это Гоша. Выбритые виски, поджарый, очки в модной деревянной оправе. — Ты идешь?

Аля опустила на нос солнечные очки и зарыла пальцы ног в обжигающий песок — почти сразу, через две-три секунды, кожу начало печь.

— Ты знаешь... Я никуда не иду.

— Посидишь еще погреешься? Я пойду тогда до вторых буйков доплыву, но ты присоединяйся, когда дозреешь, — я как раз обратно плыть буду.

— Не, Гош. Мне уйти надо, прямо сейчас.

— В номер?

— Нет, вообще. — Пальцы под песком пекло так, что было невозможно больше терпеть. Аля подтянула ноги в тень зонтика.

— В смысле, Аль?

— В смысле от тебя.

Аля поднялась с полотенца, потянулась за развешенной на зонтичных перекладинах одеждой. Натянула шорты, майку, вытянула из-под майки сырой лифчик купальника. Краем глаза проверила — нет, так и стоит, не двигается, смотрит вперед.

Аля кинула в рюкзак читалку киндл, бутылку воды, рука потянулась за кремом от загара, но передумала — ему нужнее будет.

— Ты ничего не скажешь? — Аля прикоснулась кончиками пальцев к его обгорелому плечу, потянула за отходящий кусочек кожи, отделила целый ошметок прозрачных отживших клеток, скатала его в трубочку между большим и указательным пальцем.

— Если ты сейчас уйдешь, я больше тебя не спасу, — Гоша смотрел на море, не поворачиваясь.

— Мне не надо, — прошептала Аля ему на ухо, чмокнула в соленую щетину, развернулась и быстро зашагала наверх, в гору, к отелю.

Она зачерпывала шлепками песок, как воду. Песок жег ноги, солнце — плечи. На границе пляжа с асфальтированной дорогой Аля наступила в чье-то растаявшее мороженое, и теперь с каждым шагом правая подошва отлипала от дороги со смешным чавкающим звуком. Она почти бежала — впереди был долгий день.

* * *

В номере отеля было прохладно — уходя утром, они оставили включенным кондиционер. Аля скинула с себя одежду и залезла в душ, повозилась с ручкой крана, чтобы поймать нужную температуру — холодную, но не ледяную — надо было остудить горящую голову и подумать, что делать дальше.

Машинально вода мыльной мочалкой по одному и тому же участку на животе, она перебирала в голове варианты. Их было не так много, всего два — попробовать заказать билеты в Москву — на сегодня, на завтра — чем скорее, тем лучше, или...

Что означало это «или», Аля точно не знала. По шенгенской визе она могла быть в Европе девяносто дней без перерыва — три месяца без необходимости приезжать в Москву к Гоше, забирать вещи, искать съемную квартиру где-нибудь на Китай-городе с хорошими соседями, кантоваться, пока не найдет, у родителей. От этого было не убежать, но можно было оттянуть до самой осени.

Она посмотрела на белый призрак купальника на ее загорелом теле, на малиновые обгоревшие плечи. Невозможно было представить, что когда-то будет осень.

Можно, конечно, махнуть в Лиссабон или, еще лучше, в Рим, потом в Берлин, потом — куда-нибудь в Швецию, помотаться по Европе, навестить всех своих друзей, раскиданных равномерно по карте; но на такой марш-бросок денег могло и не хватить. На карточке лежали отложенные с тучных весенних месяцев

бесконечных письменных переводов тысячи, но они, как Аля прекрасно знала, имели свойство испаряться быстро и бесследно с веселым кассовым пиканьем бесконтактного пластикового чипа.

Учеников тоже не хватало — в сентябре, конечно, вернутся отпускные менеджеры и студенты с ровным летним загаром и напрочь забытым английским, но на них сильно рассчитывать не приходилось. Половина все равно не захочет заниматься по скайпу, боясь плохой связи, но больше собственной лени — отменить занятие гораздо легче, когда репетитор от тебя за пару тысяч километров, а не в двух станциях метро.

Оставалось третье. Аля вылезла из душа, наскоро вытерлась полотенцем, натянула первые нащупанные в чемодане трусы и открыла приложение «Карты» в планшете.

Синяя пульсирующая точка геолокации показывала ее положение. Движением пальцев по экрану она отдалила карту, перевела взгляд с ровной зелени приморской части Болгарии на запад — там условными коричневыми кляксами темнели горы.

В голове почему-то всплыла фраза: «Будейовицкий анабазис Швейка». В четырнадцать лет, как раз на середине ставших потом любимыми гашековских походов, ей безумно понравилось это слово — «анабазис». В нем чудился какой-то головокружительный оксюморон: спокойная солидность «базиса» в самом начале, даже до обретения этого спокойствия, похеренная легкомысленным «а на?».

Она, конечно, сразу же полезла смотреть значение в толковом словаре. Оказалось, что изначально «анабазисом» называли военный поход из низменной местности в более возвышенную, например, с берега моря внутрь страны. Словарная формулировка, как выяснилось, крепко засела у нее в голове, и теперь, тринадцать лет спустя, с легкостью выпала с какой-то дальней полочки Алиного мозга прямо в ее распахнутое сердце.

Глава 2

Аля катила свой серый потрепанный чемодан по главной прогулочной улице курортного Созополя. Они с Гошей остановились в простенькой гостинице на береговой линии — прямо напротив пляжа, но следующую ночь надо было провести где-то подальше, в Старом городе. Нельзя было случайно наткнуться на Гошу в каком-нибудь ближайшем к их гостинице ресторане. Она, правда, подозревала, что он не выйдет из комнаты — ни сегодня вечером, ни завтра, схлопнувшись моллюском в горячих, пахнущих морской солью простынях. Но лучше обойтись без рисков — так, на всякий случай. В конце концов, пока что ей удалось уйти дальше, чем во все предыдущие разы.

Она совершенно не представляла, в какую гостиницу податься на ночь. Правда, совсем рядом с их отелем расположился зачарованный сад, к которому прилагались довольно обшарпанные апартаменты. Два дня назад она затащила туда Гошу — не смогла пройти мимо.

Она ходила по дорожкам, аккуратно трогала прохладные соцветия, сделала сорок фотографий на телефон — никогда, никогда беспомощная маленькая линза не передаст этот цвет и этот свет,

но надо было хотя бы оставить себе напоминание среди бесконечных фото кофейных чашек и кота, что, да, был такой день, а в конце дня был взрыв лиловых и розовых кустов флоксов на закатном — кровь с молоком — небе.

Заметив их, на веранду дома вышла хозяйка апартаментов — сухая старушка в такой же яркой, как ее цветы, кофте. Она поприветствовала их по-болгарски, Аля ответила сначала на английском, но, увидев, что женщина ее не понимает, перешла на русский.

Пожилая болгарка помнила язык — во времена ее юности русский повсеместно учили в школе, и через пять минут она уже поила Алю и Гошу холодным айряном, усадив их за крошечный садовый столик.

Женщина говорила о цветах, как обычно говорят о мужчинах — раз в несколько лет в ней вспыхивала новая страсть, и она целиком засаживала сад очередным увлечением. До флоксов у нее был долгий роман с пионами — сорта семян назывались совершенно умопомрачительно: «Сара Бернар», «Мисс Америка», «Аншантресс», «Глэдис Тейлор» — все эти Канны и Голливуды, правда, разбавлялись иногда ностальгическими и приятными болгарскому уху «Академиком Цициным» или «Аркадием Гайдаром» прямых российских поставок.

Но в конце концов пришло особо безжалостное лето, и актрисы с академиками полегли, несмотря на выверенную по часам систему полива и ухода. Тогда-то и появились флоксы.

Аля слушала ее вполуха, держа на губах маленькую вежливую улыбку. Она думала о том, как хорошо, наверное, просыпаться здесь рано утром и, сбежав со второго этажа вниз, пить кофе, сидя прямо на кафельных ступеньках у входа, одуревая от запаха еще тяжелых, дрожащих от утренней росы кустов.

Где-то в середине дежурных расспросов о том, откуда, как давно приехали, как вам наше море — неделю назад совсем было зеленое от водорослей, но сейчас поспокойнее, вот увидите, через пару дней будет полный штиль, — диалог этот нехотя поддерживал

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЧЬ ОТ МОРЯ. Роман

Часть 1. От моря	7
Часть 2. пLOVEDив	119
Часть 3. София	179

Рассказы

СТАРЫЙ ВОЗДУХ	218
МИНИМУМ БАГАЖА	224

Литературно-художественное издание

Мария Малухина

МИНИМУМ БАГАЖА

Сборник

На обложке использованы иллюстрации:
Cq photo juu / shutterstock.com, Ingrid Maasik / shutterstock.com,
AlexRoz / shutterstock.com
Используется по лицензии от shutterstock.com

Редактор Б. Геласимов
Корректор А. Калинин
Компьютерная верстка Е. Климентьева
Художник А. Геласимова

Подписано в печать 23.05.2020. Формат 60×90/16

Печ. л. 15. Гарнитура «Alegreya».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru
тел.: +7 (985) 8000 366

Мария Малухина родилась в 1991 году в Москве. Окончила бакалавриат МГИМО, затем получила две степени магистра в Великобритании по специальностям «сценарист» и «кинорежиссер». Живет в столице Болгарии, Софии. Снимает короткометражные фильмы по собственным сценариям. С 2018 года пишет пьесы и участвует в драматургических конкурсах и лабораториях. Ее пьесы входили в

шорт-листы или становились финалистами многочисленных конкурсов драматургии, и спектакли по ним идут в нескольких театрах России. Также Мария пишет прозу — ее рассказы входили в лонг- и шорт-листы и занимали призовые места в литературных конкурсах. Сборник рассказов «Москва-София» в 2019 году вышел в финал Национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» и вошел в лонг-лист Международной литературной премии имени И.Ф. Анненского.

Двадцатисемилетняя Аля — переводчик-фрилансер и преподаватель английского — приезжает в Болгарию вместе со своим бойфрендом Гошей отдохнуть. В один жаркий летний день прямо на пляже Аля принимает решение, которое изменит ход ее жизни, — она бросает Гошу и отправляется в путешествие, в свой собственный «анабазис» — прочь от моря, вглубь страны. Алино путешествие — это побег, ей кажется, что она спасается от новых людей и обстоятельств, но на деле лишь убегает от самой себя.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-74-9

9 785907 085749

www.gorodets.ru